

ЕВРЕИ БЕЛАРУСИ В 1914–1917 гг.

Одним из малоисследованных вопросов истории евреев Беларуси XX века является их социально-экономическое и правовое положение в годы Первой мировой войны, а точнее в 1914–1917 годах, а также их жизнь и быт в отдельных городах Беларуси. Данная статья посвящена этому вопросу. На основе анализа многочисленных и разнообразных источников, в том числе фондов Национального исторического архива Беларуси, опубликованной отечественной и зарубежной исторической литературы, включая мемуары еврейских общественных деятелей, в ней раскрывается участие белорусских евреев в боевых операциях на фронтах Первой мировой войны, эволюцию их положения в тылу, приведшую в конце концов к отмене черты оседлости. Кроме того, в статье найдено отражение положение евреев Бреста, Гродно и Минска.

В 1914 году на современной территории Беларуси проживало более 900 тысяч человек или менее 12,8 % всех жителей [1, 31].

Страшным бедствием для еврейского и белорусского народов явилась Первая мировая война. Уже весной 1915 года Беларусь стала прифронтовой полосой, а летом того же года ее западная часть превратилась в арену боевых действий и кровопролитных сражений. В итоге весенне-летних операций 1915 года на русско-германском фронте территория Беларуси была разделена на две части: западная оказалась оккупированной немецкими войсками, а восточная превратилась в ближайший тыл действующей армии. Милитаризация народного хозяйства и боевые действия подорвали производительные силы, вызвали развал в промышленности, сельском хозяйстве, финансах, на транспорте.

Патриотический подъем, охвативший Российскую империю, не оставил в стороне и евреев. Мобилизация среди них прошла практически без недобора. Процент евреев в армии во время войны был выше, чем в составе населения страны в целом. В 1914 году в армии насчитывалось 400 тысяч евреев, к концу 1916 года их число возросло до 500 тысяч. Некоторые евреи – выпускники гимназий и университетов, освобожденные от призыва, пошли на фронт добровольцами. Еврейские студенты заграничных университетов возвращались в Россию и добровольно шли в солдаты. Еврейские девушки записывались в сестры милосердия. В армии было много врачей-евреев, и даже отдельные офицеры-евреи.

На экстренном заседании Государственной Думы депутат Н.Фридман говорил: "В настоящий час испытания... мы, русские евреи, как один человек, станем под русскими знаменами и положим все свои силы на отражение врага".

В Минске и других городах Беларуси выделяли места для раненых в еврейских больницах и богадельнях, и даже самые бедные общины обещали содержать за свой счет по десять-двадцать кроватей для раненых..

Тысячи евреев были награждены за участие в войне, некоторые стали полными георгиевскими кавалерами. Многие из них были уроженцами Беларуси.

Уже в начале войны появилось первое известие: "Вольноопределяющийся еврей Кац за отличие в бою при Гумбинене произведен в подпрапорщики и награжден Георгием. Знак отличия вручил Кацу лично командующий армией". После этого подобные сообщения из фронтов стали печатать из номера в номер:

"Гомельчанин Илья Тумаркин за выдающуюся храбрость награжден Георгиевским крестом и умер от ран, полученных в бою...; тяжелораненый Перников добрался до места назначения с важным секретным документом...; доброволец Фридланд под сильным огнем

неприятеля вынес раненого офицера...; Мендель Берков первым ворвался в окопы германцев...; доктор Лурье под убийственным огнем артиллерии оказывал помощь раненым...; врач-доброволец Шварц из Вильно за самоотверженную работу награжден золотым Георгием и назначен старшим врачом..."[2, с. 302].

Тем не менее, с первых дней войны среди высшего командного состава армии и военной администрации прифронтовых районов стали широко распространяться слухи о якобы поголовной поддержке Германии евреями Российской империи.

Военные неудачи первых месяцев войны спровоцировали резкие действия командования в отношении евреев, проживавших в черте оседлости в западных губерниях России, в том числе на белорусских землях. Многие офицеры считали евреев виновными в передаче немцам информации и о манёврах и числе войск, которую они получали, будучи поставщиками в армию ряда продуктов и фураж. В связи с этим зимой 1914–1915 годов командование российской армии санкционировало массовое принудительное выселение бесконвойным порядком из зоны боевых действий Северо-Западного фронта евреев и немецко-колонистов, обвинив их в шпионаже и политической нелояльности.

Жительница Могилёва в своих воспоминаниях писала, что первыми беженцами, появившимися в городе, были евреи из Ковно. Выселенные в трёхдневный срок по приказу начальства «как элемент ненадёжный и опасный». Они наводнили город многочисленными повозками, нагруженными домашним скарбом, пуховиками и подушками, из которых выглядывали испуганные физиономии стариков, старух и детей [4, с. 10]

Еврейских выселенцев разместили в городах прифронтовых губерний с оказанием им материальной помощи наравне с добровольными беженцами, а немецких колонистов выслали в глубь России под надзор полиции [5, с. 131]

В российской армии были очень популярны рассказы о поголовном участии еврейского населения в шпионаже в пользу Германии. Немало евреев было расстреляно без суда или по приговору военно-полевых судов (если дела евреев, обвинявшихся в шпионаже, разбирали гражданский суд с участием защитников, в подавляющем большинстве случаев им выносили оправдательные приговоры).

Военное командование России стало брать евреев в заложники не только на польских землях, но и на территории самой России. 24 декабря 1914 года три заложника-еврея были расстреляны в городе Сохачеве. Иногда офицеры российской контрразведки подбрасывали евреям компрометирующие их документы и требовали выкуп за прекращение дела. Только одним контрразведывательным отрядом по сфабрикованным делам были расстреляны 18 евреев [3, с. 358].

В зоне боевых действий военное командование расклеивало объявления – в городах и на железнодорожных станциях: "В каждом населенном пункте будут взяты евреи-заложники, отвечающие жизнью за враждебные акты, совершенные их соплеменниками". В заложники брали чаще всего раввинов и уважаемых граждан еврейских общин. К лету 1915 года около 400 заложников сидели в тюрьмах Полтавы, Екатеринослава и Могилева, и порой их вешали без суда и следствия – за поступки неизвестных им людей [2, с. 304–305].

Летом 1915 года прошли еврейские погромы в прифронтовой полосе – в Гродненской, Ковенской, Виленской, Минской и Волынской губерниях.

Наибольшей враждебностью по отношению к еврейскому населению отличалось высшее военное командование России – главнокомандующий великий князь Николай Николаевич и начальник штаба Ставки генерал Н.Янушкевич (поляк, принявший православие). Безосновательно заявив, что во время одного из боев русская часть была выбита из прифронтовой деревни и понесла большие потери из-за того, что в "подвалах евреями были спрятаны немецкие солдаты", Николай Николаевич и генерал Янушкевич приказали выслать все еврейское население из большей части Курляндской (28 апреля 1915 года) и Ковенской (5 мая 1915 года) губерний. В приказе также говорилось, что "...в отношении евреев, проживающих в ныне занятых германскими властями местностях,

надлежит проводить указанную меру (выселение – Э.И.) немедленно вслед за занятием их нашими войсками". Высланных отправляли в некоторые районы черты оседлости.

На долю белорусских евреев и всего еврейского народа выпали особо тяжелые страдания. Он оказался в прифронтовой полосе фактически вне закона.

В Ковенской губернии выселение было поголовным: из Ковно вывозили больных, раненых солдат, семьи фронтовиков. Выселение, осуществлявшееся в очень тяжелых для евреев условиях (на сборы давалось 48–72 часа; часто не разрешали брать самые необходимые вещи; высланные подвергались издевательствам, их перевозили в товарных вагонах с надписью "шпионы"), что вызвало волну возмущения в России и за границей.

В своем выступлении в Государственной Думе депутат Н.Фридман сказал:

"Евреев пересылали в товарных вагонах как скот, по накладным. Писали накладную: товар – 450 евреев пересылается туда-то... Я видел выселенцев – дам и девушек, которые вместе с русскими дамами шили белье, собирали пожертвования, а теперь лежали на полотне железной дороги, Я видел семьи мобилизованных, я видел среди выселенцев раненых солдат с Георгиевскими крестами"[2, с. 306].

Один из депутатов рассказывал с трибуны Думы, "с какой непомерной жестокостью производилось выселение евреев..., в течение нескольких ночных часов..., под угрозой, что если кто-нибудь останется к рассвету, то все будут повешены... Стариков, больных, расслабленных, параличных приходилось нести на руках...".

Так началось физическое уничтожение старых гнезд еврейской жизни с их традиционным, устойчивым многовековым укладом. В зоне боевых действий артиллерия разрушала до основания сотни маленьких городков и местечек Польши, Литвы, Беларуси и Украины, а вслед за артиллерией разгром завершала пехота и казачьи части. Во многом этому способствовало и изгнание евреев из районов боевых действий. В самый разгар Первой мировой войны один читатель написал в газету: "Умер еврейский городок... Умер маленький мирок нашей жизни. Жили люди, был городок, и нет его больше. Война поглотила его... Там, где прошли огонь и меч, выкосив все добро, нельзя свить нового гнезда. Там, где не на чем и нечего сеять, ничего не вырастет. В тех местах, где навет изгнал евреев, теперь как вороны, слетевшиеся на поле битвы, начинают оседать чужие, продавая еврейские товары, оставленные изгнанниками. Они победили. Был городок – и нет его больше...".

На заседании Совета министров министр внутренних дел Н. Щербатов и министр земледелия А.Кривошеин прямо говорили, что Н. Янушкевич пытается свалить на евреев ответственность за неудачи на фронте. После этого военное командование 10–11 мая 1915 года было вынуждено отдать приказ о приостановке выселений. Возмущенный этим, Н. Янушкевич писал Совету министров, что он считает "...все принятые в отношении евреев меры весьма слабыми и не остановился бы перед усилением их в более значительной степени".

Даже такой известный русский писатель, как Александр Солженицын, которого трудно заподозрить в симпатии к евреям, вынужден подчеркнуть:

"Именно Янушкевич, летом 1915, прикрывая отступление русских армий, казавшееся тогда ужасающим, стал издавать распоряжения о массовых высылках евреев из прифронтовой полосы высылках огульных, безо всякого разбора личной вины. Удобный ход: свалить все поражения на евреев...

Тогдашняя высылка евреев видится особенно разительной на фоне того, что в 1915 году не было, как в 1941 году, массовой общей эвакуации городского населения. Армия отходила, гражданское население оставалось на местах, никого не гнали – но именно евреев, одних евреев изгоняли, иногда повально и в самые короткие сроки, – кроме естественной обиды еще и фактическое разорение, потеря жилья, потеря имущества – действительно еще один вид грандиозного погрома, и ведь уже от властей, а не от толпы? Как не понять еврейского горя?" [6, 479–480, 484].

10–11 мая 1915 года был издан приказ остановить выселения евреев, и, казалось, они прекратились. В действительности, массовая высылка евреев из прифронтовой полосы проводилась до лета 1915 года. И только 24 мая 1915 года "его императорское высочество в виде особой милости к большинству еврейских семей повелел прекратить поголовную высылку их из мест постоянного жительства, разрешив высланным из западных губерний вернуться в местности, не входящие в район боевых действий [7, л. 1].

Жаботинский в итоге называл это выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году "катастрофой, кажется, беспрецедентной со времен Фердинанда и Изабеллы" испанских в XV веке [8, с. XI].

Одновременно из числа раввинов, цадиков и богатых евреев официально вводится институт заложников, которые давали властям письменные поручительства за лиц, оставляемых на месте жительства. В случае каких-либо эксцессов заложники подвергались аресту, а их имущество подлежало секвестру [9, с. 1, 10, 11].

Однако по требованиям военного командования "царская милость" зачастую во внимание не принималась [9, л. 25].

В 1914–1916 годах с продвижением германской армии на восток многие губернии черты оседлости стали ареной боевых действий. Значительная часть живших здесь евреев была вынуждена эвакуироваться. Среди этих беженцев было много белорусских евреев.

Белорусский историк В.Р.Корнелюк отмечает:

"На основании проведенного исследования есть возможность утверждать, что общее количество беженцев и эвакуированных из пяти губерний в 1914–1917 гг. составило 1035074 человек... На территории части Минской, Могилевской и Витебской губерний находилось около 3000000 беженцев." [10, с. 23].

К сожалению, до сих пор не имеется точных сведений о национальном составе беженцев.

В книге белорусского историка З.Шибeko "Нарыс гісторыі Беларусі. 1795–2002" есть такие строки:

"Вместе с отступлением русских войск в 1915 г. на восток шли сотни тысяч людей, преимущественно женщин, детей и стариков. По приблизительным данным из Беларуси в Россию выехало около двух миллионов людей (преимущественно православных)" [11, с. 175].

С этим мнением З. Шибeko трудно согласиться. Правильнее будет сказать – "в большинстве православные", потому что среди них были десятки тысяч, если не сотни тысяч польских и белорусских евреев.

По данным "Краткой Еврейской Энциклопедии", к концу 1916 года насчитывалось около 350 тысяч беженцев-евреев [3, с. 358].

Польские историки полагают, что из прифронтовой полосы было выселено около 500-600 тысяч евреев [12, с.116].

То, что среди беженцев было немало белорусских евреев, вынужден в конце концов признать и сам З. Шибeko. В этой же книге он отмечает:

"В некоторых местах казаки, которые отступали последними, жгли деревни и местечки и гнали белорусов и евреев на восток почти с пустыми руками [11, с. 175].

Поскольку города и местечки черты оседлости (частично уже оккупированной германскими войсками) не могли вместить сотни тысяч еврейских беженцев, летом 1915 года делегация "Еврейских комитетов помощи жертвам войны" (ЕКОПО) во главе с уроженцем белорусского местечка Мир, еврейским общественным деятелем Г. Слиозбергом и бароном А. Гинцбургом посетила министра внутренних дел князя Н. Щербатова, обратившись к нему с просьбой об открытии внутренних губерний для евреев. На заседании Совета министров, где обсуждался этот вопрос, министр иностранных дел С. Сазонов указал, что союзники России по Антанте недовольны преследованием евреев, о которых много говорит немецкая пропаганда, а министр

финансов П. Барк сообщил: "всеобщее возмущение по поводу отношения к еврейству" приводит к "трудностям с размещением государственных бумаг".

Было решено, что "...необходим демонстративный акт по еврейскому вопросу". Но, опасаясь активного сопротивления правых фракций в Государственной думе, министры предпочли фактически упразднить черту оседлости на основании статьи 158 "Положения об учреждении министерств", дававший правительству возможность в особых случаях принимать чрезвычайные решения в обход законов с разрешения императора, то есть без утверждения в Государственной думе.

15 августа 1915 года был издан циркуляр Н. Щербатова, разрешавший "евреям жить в городских поселениях за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министерств Императорского Двора и Военного". Таким образом, запрет на проживание евреев сохранился лишь в Москве, Петрограде, областях Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, а также на курортах, где отдыхала царская семья.

19 августа (1 сентября) 1915 года правительство издало указ «О разрешении евреям жительства в городских поселениях вне черты общей их оседлости». Это распоряжение открыло еврейским беженцам свободный доступ на территорию центральных губерний России, однако местным властям было дано распоряжение о приёме детей беженцев иудейского вероисповедания сверх существующей нормы во все учебные заведения, что вызвало широкий приток туда еврейской молодёжи [13, с. 103]

Поток еврейских беженцев нарастал, и летом 1915 года власти временно допустили их в города Воронежской, Тамбовской и Пензенской губерний. Но там не оказалось для них никакого пристанища, и тысячи евреев с детьми и вещами расположились на улицах, площадях и в подворотнях домов. Положение стало безвыходным, и этот вопрос поступил на обсуждение правительства. Министры уже понимали, что черту оседлости придется отменить.

В августе 1915 года Николай II стал главнокомандующим и русской армией, и массовые выселения евреев из районов боевых действий прекратились.

Осенью 1915 года был отменен и обязательный для евреев годичный паспорт, и было разрешено получать бессрочный.

Так навсегда рухнула продержавшаяся век с четвертью черта еврейской оседлости. Причем, констатирует Слюозберг, "эта мера, столь важная по своему содержанию... означавшая отмену черты оседлости, к которой тщетно стремились в течение десятков лет русские евреи и русские либеральные круги, прошла незаметно" [14, с. 341]. Незаметно – из-за общего размаха войны потоки беженцев и переселяемых наводняли Россию.

Нельзя не согласиться со следующим выводом А.Солженицына:

"Так – за счет беженцев, выселенцев, но и немалых добровольных переселенцев – война значительно изменила расселение евреев по России, образовались большие еврейские колонии в городах дальнего тыла, особенно в Нижнем Новгороде, Воронеже, Пензе, Самаре, Саратове, да не меньше того в столицах. Хотя снятие черты оседлости не относилось к столицам, теперь они практически открылись" [6, с. 492].

Официально и полностью черта оседлости была отменена 20 марта (2 апреля) 1917 года законом «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений»

А из Ставки катилась волна распоряжений: изгонять евреев в армии с нестроевых должностей, особенно из писарей, хлебопек, санитаров, телефонистов, телеграфистов. Еще отдельно изгонять из состава Земсоюза, Земгора, "Согора" (Союза городов), Красного Креста и Северопомощи, где евреи "скапливаются в большом изобилии, уклоняясь от прямой военной службы и используя свои удобные должности для разлагающей пропаганды в армии".

Один из циркуляров, изданных в апреле 1916 года, гласил, что в учреждениях Земсоюза Западного фронта "все важные отрасли канцелярского труда (в том числе и секретная часть) находятся в руках евреев" и назывались евреи, ведущие регистрацию и

подшивку документов, а также заведующий информационным отделом, имеющий "по обязанностям своей службы свободный доступ в разные тыловые армейские и районные управления" [15, с. 792].

Что можно сказать о положении евреев отдельных городов Беларуси в 1914–1917 годов?

26 августа (8 сентября) 1915 года Брест был оккупирован немецкими войсками. Евреев дважды выселяли из города и прифронтовой зоны. Они рассеялись по городам и местечкам Восточной Беларуси и многим регионам России. Лишь в 1917–1918 годах начинается массовое возвращение тысяч евреев в полуразрушенный, опустошенный войной Брест.

В том самом страшном для белорусских евреев 1915 году казачьими частями был устроен погром в Гродно. В апреле 1915 года евреи Гродно были высланы из города. В конце этого года было создано временное Правление религиозной общины Гродно, объединившее все городские синагогальные общины. В состоявшихся уже в начале декабря 1916 года выборах постоянного состава Правления приняли участие 112 представителей не только от синагогальных общин, но и от различных благотворительных еврейских организаций, существовавших в городе. Это, а также тот факт, что вновь избранное правление должно было включать кроме собственно религиозной, еще финансовую, продовольственную, благотворительную, хозяйственную и образовательную секции, повлияло на отказ немецких властей признать результаты выборов.

Немецкий президент города распорядился провести новые выборы правления гмины до 14 января 1917 года. Через неделю после этой даты – 21 января было утверждено новое Правление в составе 7 членов.

Последние шесть месяцев немецкой оккупации (ноябрь 1918–апрель 1919 года) ознаменовались расцветом местного самоуправления и вошли в историю города под названием "Гродненской республики" [16, с. 97].

Во время первой мировой войны в Минске сконцентрировались тысячи еврейских беженцев, выселенных русским командованием из прифронтовой зоны. Среди них были учащиеся и преподаватели Воложинской иешивы во главе с раввином Хаимом Соловейчиком, мирской иешивы во главе с раввином Авраамом Тиктинским, из Радуня (раввин Хофец-Хаим), Слободской иешивы во главе с раввином Мордехаем Гофштейном. Их разместили в синагогах и квартирах минских евреев.

В квартире минского городского магида Биньямина Шаковицкого часто ночевало столько беженцев, что не хватало кроватей. Тогда хозяин квартиры снимал с петель дверь и стелил на ней беженцам.

Евреям Минска, особенно тем, кто работал в организациях Союза Городов и Земств, в 1916 году пришлось пережить волну антисемитизма со стороны Министерства жандармского управления Российской империи.

Таким образом, период Первой мировой войны принес большинству белорусских евреев неисчислимые страдания. Как и все евреи Российской империи, они были заподозрены в шпионаже и симпатиях к Германии, были выселены из прифронтовой полосы, пополнили ряды беженцев из Беларуси. Сотни евреев стали заложниками, а десятки из них по сфабрикованным делам были повешены, как немецкие шпионы. Почти все евреи Беларуси стали жертвами политики государственного антисемитизма.

История белорусских евреев в 1914–1917 годах – неразрывная часть истории Беларуси в этот период.

Источники и литература

1. Куповецкий, М.С. Евреи в Белоруссии. Краткий исторический очерк / М.С. Куповецкий // Документы по истории и культуре евреев в архивах Беларуси. Путеводитель. – М., 2003 – 607 с.

2. Кандель, Ф. Очерки времен и событий из истории российских евреев. Часть третья: 1882-1920 годы / Ф. Кандель – Иерусалим, 1994. – 337 с.
3. Краткая Еврейская Энциклопедия. Т.7. Иерусалим, 1994. – 1058 с.
4. Белевская, М. (Летягина). Ставка Верховного Главнокомандования в Могилёве в 1915-1918 гг. / М. Белевская – Гродно: ЮрсаПринт, 2011. – 70 с.
5. Курцев, А.Н. Беженство // Россия и первая мировая война: материалы Междун. науч. Коллоквиума – СПб / А.Н. Курцев: Дмитрий Буланин, 1999 – 562 с.
6. Солженицын, А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч.1. / А.И. Солженицын – М.: Русский путь, 2001. – 512 с.
7. Национальный исторический архив Беларуси (далее-НИАБ) – Ф. 1430. Оп.1. Д.49128.
8. Слиозберг, Г.Б. Дела давно минувших дней: Записки русского еврея: В 3-х т. Т.1 / Г.Б. Слиозберг. – Париж: Изд. Ком. по чествованию 70-лет. юбилея Г.Б. Слиозберга, 1933 – 304 с.
9. НИАБ. Ф.1430. – Оп.1. – Д.49128. – Лл.1, 10, 11.
10. Карнялюк, В.Р. Праблема гісторыка-дэмаграфічнай характарыстыкі бежанцаў беларускіх зямель / В.Р.Карнялюк // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 1. № 2. Гродна, 2000. – С. 20–26.
11. Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі. 1795 – 2002 / З.Шыбека – Мн., 2003. – 490 с.
12. Najnowsze dzieje zydow w Polsce (do 1950 roku). Pod. red. J.Tomaszewskiego. Warszawa 1993.
13. Законы и распоряжения о беженцах. 2-е изд. М.: Юрид. Отд. Глав. Ком. Всерос. Союз городов. – 1916. – 103 с.
14. Слиозберг, Г.Б. Дела давно минувших дней Т.3 / Г.Б. Слиозберг – Париж: Изд. ком. по чествованию 70-летнего юбилея Г.Б. Слиозберга, 1934. – 587 с.
15. Лемке, М. 250 дней в царской Ставке (25 сент.1915 – 2 июля 1916) / М.Лемке – Пг.: Гос. изд., 1920. – 859 с.
16. Чернякевич, А. Гродненская еврейская община в годы польско-советской войны 1919-1920 гг. / А.Чернякевич // Евреи Беларуси. История и культура. Сб.статей. Вып. VI. Мн., 2001– С. 96–111.

Jews in Belarus during 1914–1917. One of the little-studied aspects of the history of Jews in Belarus of the twentieth century is their socio-economic and legal situation in the First World War, and more specifically in 1914–1917, as well as their life and experiences in selected towns in Belarus. This article focuses on this issue. Based on the analysis of multiple and diverse sources, including funds of the National Historical Archives of Belarus published domestic and foreign historical literature, including memoirs of Jewish public figures, it reveals the participation of Belarusian Jews in combat operations in the First World War, the evolution of their position in the rear, which led eventually to the abolition of the Pale. In addition, the article reflected the position of the Jews of Brest, Grodno and Minsk.